

(ТОЧКА ЗРЕНИЯ УЧЕНОГО)

Олег Арин (Р. Ш.-А. АЛИЕВ), доктор исторических наук

Предоставляя страницы специалисту по внешней политике Японии, доктору исторических наук Алиеву Р. Ш.-А., редакция отнюдь не солидаризируется со всеми положениями его статьи.

В то же время мы полагаем, что настало время, когда в условиях гласности — а она выступает важнейшим стимулятором демократизации научной жизни — следует поставить на открытое обсуждение те вопросы, которые длительное время оставались фактически запретными, хотя и являлись предметом споров, нередко достаточно острых в академической среде, привлекали внимание критически мыслящих специалистов, вовлеченных в сферу изучения такой актуальной проблемы, как место и роль Японии в современном мире.

На встрече с председателем ЦИК СПЯ 6 мая 1988 г. М. С. Горбачев заявил, что «японо-советские отношения напоминают тлеющий костер, который не разгорается, а больше дымит». Ответственность за такое состояние этих отношений обычно возлагалась нами на японскую сторону. И все же было бы непродуктивным ограничиваться подобной констатацией. Новое политическое мышление требует и от нас критического осмысления нашей политики в отношении Японии, проверки тех оценок и выводов, которые, как нам представляется, определяли или определяют действия этой страны на международной арене, в том числе и на советском направлении. Ведь от того, насколько наши представления о Японии будут носить объективный, без ложных и конъюнктурных стереотипов, характер, каков будет уровень советского японоведения, в немалой степени будет зависеть конструктивность нашей политики в отношении этой страны, состояние советско-японских отношений. Как указывал на упомянутой встрече М. С. Горбачев, «нужна полная ясность в позициях».

Ясности же, тем более полной, трудно добиться до тех пор, пока в советском японоведении сохраняется немало проблем и таких тем, которые, с одной стороны, просто не исследованы, а с другой — получили, на мой взгляд, однобокую, а значит искаженную трактовку.

К такого типа проблемам и намерен автор привлечь внимание ученых-японистов, предлагая одновременно способы и варианты их исследования, которые следует рассматривать как приглашение к дискуссии.

Место Японии в мире

В данном случае термин «место» означает порядковый номер страны, определяемый по уровню экономического потенциала (мощи) в абсолютных показателях по сравнению с другими государствами. В качестве общепринятых индикаторов этого потенциала принимаются ВВП и доля страны в мировом промышленном производстве. В целях отражения уровня научно-технического прогресса к ним обычно добавляются расходы на НИОКР. На вовлеченность экономики в международные экономические связи указывают объемы внешней торговли и заграничных инвестиций, а также их доли в мировой торговле и мировых зарубежных капиталовложениях.

В советских публикациях с конца 60-х гг. и по настоящее время утверждается, что Япония по основным экономическим макропоказателям занимает второе после США место в капиталистическом мире. Однако в 80-х гг. в Японии и в США стала проводиться точка зрения о том, что ныне Япония занимает уже второе место в мире вообще, то есть она опередила и СССР. В печати Советского Союза данное утверждение не опровергалось.

Данные за 1987 г., казалось бы, подтверждают приведенную выше западную оценку. ВВП Японии составляет около 2,8 трлн. долл., СССР — 2,4 трлн. долл.; доля в мировом промышленном производстве соответственно 15 % и 14 % (по уточненным данным советского экономиста Б. М. Болотина); расходы на НИОКР — около 55—60 млрд. долл. и 60 млрд. долл. (оценочные данные); объемы внешней торговли — 379 млрд. долл. и 215,1 млрд. долл.; прямые инвестиции Японии за рубежом равны почти 136 млрд. долл.

Вполне очевидно, что вследствие нехватки данных и в силу разномерности показателей трудно дать объективную картину экономических потенциалов СССР и Японии. Тем не менее совершенно ясно, что эту работу должны тщательно проделать экономисты, чтобы мы имели четкое представление о соотношении экономических мощностей двух государств для осознания, с одной стороны, собственных возможностей, с другой — возможностей Японии. Невнимание к этому вопросу только усиливает недоверие к советской науке и, косвенно, к советской политике.

Роль Японии в мире

В научной литературе с начала 70-х гг. укоренились две формулировки для обозначения роли Японии в мире — «центр силы» и «центр межимпериалистического соперничества». Причиной возникновения этих формулировок явилось превращение Японии во вторую экономическую державу капиталистического мира, успешно конкурирующую в сфере экономики с двумя другими «центрами силы» — США и Общим рынком.

Первая формулировка представляется неточной. Она по сути дела ставит знак равенства между силой и экономическим потенциалом (мощью) или, по крайней мере, включает в себе идею о прямо пропорциональных зависимостях между силой и мощью. На самом деле характер взаимозависимостей между данными категориями иной. Сила — категория политическая (о чем десятки раз писали вначале Ф. Энгельс, а затем В. И. Ленин) и сопрягается не с мощью, а с политикой. Именно поэтому Япония, хотя и обладает громадной экономической мощью, тем не менее, не удовлетворена своей политической ролью в мире.

Другими словами, не сам по себе экономический потенциал, а именно политика может носить силовые черты — не обязательно в смысле насилия, а в смысле способности оказывать значительное влияние на расстановку сил в мире вплоть до способности менять структуру международных отношений.

Политика как одна из форм человеческой деятельности имеет различные сферы обращения и потому подразделяется на подвиды: экономическую, военную, дипломатическую, идеологическую политику и т. д. Необходимо отметить, что возможности любого из этих подвидов, конечно же, связаны с экономической мощью государства, точнее с той ее урезанной частью, которая является базисом политики. Так, возможности экономической политики в немалой степени определяются экономическим потенциалом, военной политики — военной мощью, и даже идеологическая политика в определенной степени зависит от мощи информационного аппарата государства. Но при всем этом политика и мощь не находятся в прямо пропорциональной зависимости — политика не зависит безоговорочно от массы ее базового источника. Можно обладать громадным экономическим потенциалом и проигрывать в экономической политике, точно так же иметь колоссальный военный потенциал и не выиграть войну. Таким образом, разбираемые категории выстраиваются в цепочку: мощь — политика — сила, в которой центральным звеном является политика.

Небольшой экскурс в теорию нам необходим был для того, чтобы определить: является ли Япония «центром силы», а если да, то какой силы?

С большими оговорками, которые будут объяснены ниже, можно признать только одну силу за Японией — торгово-финансовую. Успешное внедрение японских монополий практически на всех рынках мира, регулярные победы в экономической конкуренции над монополиями США и стран ЕС демонстрируют силовые черты экономической политики Японии, обладающей возможностью оказывать громадное влияние на общее состояние капиталистической экономики. Именно с этих позиций роль Японии в мире может быть оценена через категорию «центр торгово-финансовой силы», а учитывая сущностное проявление этой силы, к нему обоснованно применима характеристика, схваченная во второй формулировке: Япония как один из центров межимпериалистического соперничества.

Япония как «центр идеологической силы»?

В названии данного подраздела не случайно поставлен вопрос. Во-первых, такая тема вообще не обсуждалась в советском японоведении. Во-вторых, именно поэтому требуется фундаментальное исследование данной проблемы. И вот почему.

С точки зрения устоявшихся стереотипов в мире идет борьба между двумя классическими идеологиями: капиталистической и социалистической. В общей форме она находит выражение в борьбе между Западом и Востоком, а в более концентрированном виде — между США и СССР как главными носителями двух противоборствующих идеологий. Однако современный мир не двухцветен, а многоцветен: существует великое множество промежуточных идеологий — от явно фашистских до сверхлеворадикальных.

Под влиянием нового этапа научно-технической революции происходят радикальные перемены в социальных структурах различных обществ. Плюралистичность, многослойность социального мира, со множеством переходных форм общественного развития порождает новую систему закономерностей, которая требует своего осмысления на базе нестандартных теоретических исследований, о чем говорил 7 января 1989 г. на IX съезде Германской коммунистической партии, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. Н. Яковлев. И коль скоро мы начали признавать многовариантность развития самого социализма, одной из моделей которой является, например, социализм с китайской спецификой, то тем более у нас нет основания считать,

что у капитализма существует одна, жесткая модель. Он не менее многовариантен, чем социализм. Пример одного из вариантов являет собой японская модель развития общества, которая постепенно начинает приобретать приверженцев в других странах, прежде всего расположенных в АТР.

Причем, японскую модель было бы неправомерно рассматривать только через призму экономики. Это — специфическая модель развития общества, включающая в себя помимо экономического ряд других компонентов: низкий уровень военного потенциала, особая система управления обществом, религиозный плюрализм в форме синкретичного сосуществования, своеобразный сплав различных культур, высокий уровень грамотности населения, слабое выражение социальной напряженности, громадный удельный вес «среднего класса», быстрые темпы научно-технического прогресса и т. д.

Взаимодействие всех компонентов дает на «выходе» ту самую модель, которая и называется «японская модель развития общества». Она находит свое обоснование в различных идейно-политических течениях с большой примесью националистических и «уникалистских» концепций. В частности, альтернативно-модернизаторское направление в идеологии, провозглашая идею оригинальности «японской модели», утверждает ее универсальность для процесса модернизации вообще, в том числе и для развитых современных обществ.

Правящие круги Японии вполне осознали «исключительность» своей модели и довольно активно пропагандируют ее за рубежом. Особенно это было заметно в годы премьерства Я. Накасонэ, который сам неоднократно говорил об исключительности японской нации и культуры.

Возможно, преждевременно превозносить успехи Японии на данном поприще, но и вряд ли стоит их недооценивать. Целесообразно, как представляется, предпринять новые усилия с целью осмысления возможностей Японии в качестве центра идеологической силы.

Японо-американские отношения

Приблизительно до середины 80-х гг. в партийных материалах, научной литературе утверждалась идея несамостоятельности Японии в проведении внешней политики, ее безоговорочная поддержка стратегии США на международной арене. Затем появились формулировки в оценках роли Японии как «самостоятельной величины» в мировой политике. Последний тезис красноречиво опровергает сама Япония, причем не только в сфере военной

политики, но и в той сфере, которую принято обозначать дипломатией. Дипломатия Токио пока не дает оснований для выводов о самостоятельном поведении Японии, особенно в решении проблем по линии Восток — Запад.

Вместе с тем в советских работах совершенно справедливо отмечаются преимущества Японии в экономической конкурентной борьбе со своими союзниками, в том числе с США, в которой японские монополии нередко одерживают верх. При этом часто обращается внимание на противоречие, обнаруживающееся в слабых дипломатических позициях Японии и сильных позициях в сфере экономики в процессе взаимоотношений с США.

Представляется, что это противоречие мнимое. В связи с этим необходимо прежде всего иметь в виду, что официальный курс Токио проводится японским правительством, а экономические «войны» ведут монополии. Их взаимоотношения определяются закономерностями развития ГМК, противоречие и единство которого заключено уже в самом коде ГМК. Функциональные различия государства и монополий особенно четко прослеживаются на стадии реализации внешней политики. Другими словами, противоречия между ними просто неизбежны.

Но в данном конкретном случае напрашивается вопрос: можно ли оценивать несоответствие между дипломатической зависимостью Японии от США и экономической самостоятельностью через категорию противоречий? Переформулируем вопрос иначе. А не выгоднее ли японскому ГМК в целом, то есть и самим японским монополиям, проводить зависимую от Вашингтона дипломатию, сознательно отказываясь от претензий на самостоятельность? Ведь любая обособленная от США позиция, как бы свидетельствующая о самостоятельности Японии, потребовала бы и самостоятельных обязательств, реализация которых неизбежно должна подкрепляться соответствующими ресурсами. Это как минимум. Как максимум, развитие этой тенденции — увеличение набора обязательств — привело бы к пересмотру всей системы международных связей, места и роли Японии внутри этой системы. Допустим, резкое изменение подхода Токио в отношении Вьетнама или КНДР, идущее вразрез с позицией Вашингтона, неизбежно повлекло бы модификацию союзнических американо-японских отношений без явных позитивных последствий для Японии. Скорее всего, последствия оказались бы негативными. В таком случае, не выгоднее ли Японии «смирненно» следовать за стратегии США?

В принципе отклонения Токио от политики Вашингтона не исключаются, но они происходят только тогда, когда их взаимные интересы не ущемляются, или тогда, когда руководители США осознают, что без таких отклонений их дальневосточный союзник подвергнет себя «неприемлемому ущербу», как это случается на Ближнем Востоке или в Латинской Америке. И все же послевоенная практика японской дипломатии свидетельствует, что Япония не злоупотребляет доверием Вашингтона, продолжая с большей выгодой для себя следовать стратегии США.

В этой связи уместно поставить более общий вопрос: а нужна ли Японии вообще политическая роль в мире? Разве послевоенная практика не показывает, что страны, претендующие на глобальную политическую роль, требующую громадных ресурсов для поддержания такого статуса, испытывают серьезные трудности в своем экономическом развитии? И наоборот, те страны, которые отказываются от такой роли, в обмен получают быстрые темпы экономического развития и высокий жизненный уровень своего населения. Не выгоднее ли той же самой Японии, оставаясь на правах «младшего партнера», продолжать политику «малой политической державы», концентрируя внимание на развитии своей экономики?

На этот вопрос нет однозначного ответа ни в самой Японии, ни среди советских японоведов. По моему мнению, японским монополиям глобальная политическая роль в общем-то и ни к чему. Более того, они стремятся к тому, чтобы закрепить эту роль за США, лишь бы последние продолжали осуществлять свою миссию политического и военного гаранта безопасности, которая одновременно оборачивается гарантированными условиями для свободной деятельности японских монополий.

Кроме того, как показывает практика, публичная поддержка официальным Токио позиции Вашингтона отнюдь не мешает этим же монополиям осуществлять торгово-экономические операции с теми странами, с которыми США находятся в скрытой или явной конфронтации (Куба, Никарагуа, Афганистан, Сирия и т. д.).

Следовательно, подчинение дипломатии США, а также роль «малой политической державы» в полной мере соответствуют интересам японского ГМК. Но такой статус не просто соответствует интересам Японии, но объективно обусловлен характером японо-американских экономических отношений. Просто эту «объективность» Япония повернула в свою пользу.

И здесь мы возвращаемся к тезису о Японии как «центре торгово-финансовой силы», который был выдвинут с большими оговорками. В чем суть этих «оговорок»?

Когда в нашей литературе пишется о торгово-экономических «войнах» между Японией и США, обычно фиксируются «победы» первой над вторыми. Но это внешняя сторона этих отношений. Внутреннюю же сторону определяют результаты этих «побед». А они ведут к такой степени взаимозависимости экономик двух стран, которая уже сейчас сформировала плотное экономическое интеграционное поле с перспективой его развития в сторону их объединения. По крайней мере к такому выводу начали склоняться некоторые американские японоведы, в то время как советские избегают пока исследования данной темы в качестве актуальной научной проблемы.

От решения этой проблемы зависит, однако, ответ на очень важный практический вопрос: не окажется ли так, что в перспективе два центра экономического соперничества сольются в один американо-японский центр финансово-экономической силы? Ответ на данный вопрос предполагает исследование почти неизученной у нас темы: финансовые отношения между США и Японией.

На данный же момент пока ясно одно: при всей взаимозависимости экономик двух держав зависимость японской экономики от экономики США превосходит обратную зависимость. Такой вывод может быть подтвержден не только пропорциями в торговых связях, а в первую очередь степенью зависимости Японии от США в сфере продовольствия и стратегического сырья. Экономическая зависимость Японии от США как раз и является той объективной базой политической зависимости Токио от Вашингтона, которую Япония, как уже говорилось, успешно использует в своих интересах.

Япония — «милитаристская держава»?

Зависимость Японии от США определяется также стратегической уязвимостью дальневосточного центра империализма, что, естественно, в еще большей степени лишает его возможности для проведения самостоятельной политики. И здесь вновь может возникнуть вопрос: а стремится ли Япония ослабить эту стратегическую уязвимость путем скачкообразного наращивания собственного военного потенциала с перспективой превращения в «великую военную державу»?

В принципе Япония имеет, как это неоднократно отмечалось в японоведческой научной литературе, достаточные ресурсы для достижения такого статуса вплоть до обладания ядерным потенциалом, адекватным совокупной ядерной мощи Англии и Франции или Китая. Несмотря на то, что на подобную угрожающую перспектив советская военная литература указывает уже более 30 лет, Япония не избирает этот путь. Некоторые ученые объясняют этот феномен тем, что против такой тенденции работает японская конституция, три неядерных принципа, пацифистские настроения в стране и т. д.

Не сбрасывая со счетов указанные причины, наиболее важным представляется другое — нежелание правящих кругов Японии превращать свою страну в самостоятельную военную державу. И дело не только в том, что такой вариант развития приведет к взрыву антияпонских настроений в ЮВА, без энтузиазма будет воспринят в США, не говоря уже о СССР или КНР. По подсчетам американских специалистов для того, чтобы сохранить условия безопасности Японии и окружающего ее пространства которые охвачены сейчас системой американско-японских военных отношений, самой Японии пришлось бы увеличить нынешний военный бюджет в 3 раза (то есть довести его до суммы в 70 млрд. долл.). Приобретение же статуса великой ядерной державы потребовало бы структурной перестройки военного потенциала, на которую ушла бы, по самым скромным подсчетам, в ближайшие три года сумма в 250—300 млрд. долл. Самое парадоксальное, что и в этом случае Япония без опоры на США не решила бы проблему собственной безопасности.

Несмотря на подобные расчеты, некоторые советские японоведы (также как и некоторые их западные коллеги) не исключают в перспективе возможности превращения Японии в самостоятельную военную единицу стратегического значения. Такой путь развития Японии, по мнению автора, маловероятен. Во-первых, потому, что начавшийся американско-советский диалог об уменьшении уровня военно-стратегического паритета носит необратимый характер в силу потери стратегическим ядерным оружием своих функциональных качеств. Во-вторых, даже если этот процесс начнет давать сбои, Японии тем более выгоднее находиться под ядерным крылом США, нежели самой расходовать ресурсы на развитие военного потенциала, который в перспективе будет демонтирован. Только правительство, абсолютно лишённое здравого смысла, могло бы пойти на тотальную милитаризацию, лишаясь преимуществ имиджа «невоенной державы». Наконец, в-третьих, воспроизводство капиталистических отношений и обеспечение национальных интересов оказалось возможным невоенными средствами политики. А раз так, то для каких целей приводить в действие

дополнительные средства в форме военных инструментов политики? Последние как раз и используются тогда, когда обнаруживается неэффективность экономических средств.

Следовательно, роль самостоятельной военной державы не соответствует национальным интересам Японии, в рамках американо-японского союза японской стороне весьма удобно сохранять за собой статус подчиненного партнера и в военной сфере.

В нашей же научной и политической литературе Япония представляла перед читателем в основном в образе милитаристской державы. «Технически» это делалось самым примитивным образом. Показывается рост военных расходов по сравнению с уровнем чуть ли не начала 60-х гг., при этом нередко упускается из виду, что военный бюджет Японии уступает, например, бюджету Саудовской Аравии (по курсу 1985 г.). Всегда стараются избегать сравнений бюджета или военного потенциала Японии с Англией, Францией или ФРГ, которые не привлекают столь же пристального внимания критиков милитаризма на страницах нашей печати. Говоря о милитаризме Японии, часто ссылались на высказывания крайне правых кругов этой страны, на общий экономический и научно-технический потенциал Японии, который «может» превратиться в военный потенциал. При этом не объясняли, почему же категория возможности не переходит в категорию действительности. Нередко приводится следующий «аргумент»: «Поскольку современный милитаризм есть «жизненное проявление капитализма»... постольку он присущ всем капиталистическим государствам и является империалистическим милитаризмом. В связи с этим спор о том, есть в Японии милитаризм или нет, является беспредметным». А раз так, то Япония, судя по такой схеме, являясь империалистической державой, неизбежно станет военной державой — мысль, которая отвергает перспективу всеобщего разоружения и т. д. и т. п.

Таким образом, укреплялся «образ врага» со всеми вытекающими из этого последствиями. Такая ситуация, не отражающая действительности, требует новых исследований военной политики Японии, переосмысления понятия «милитаризм», «военно-промышленный комплекс». Необходим свежий взгляд на соотношение экономики и военной политики в соответствии с новыми явлениями, привнесенными современной фазой научно-технического прогресса. Следует, как представляется, большее внимание уделить участию Японии в американской программе СОИ и СКИ (стратегической компьютерной инициативе). В любом случае исследования военной проблематики в связи с Японией должны быть лишены предвзятости и старых стереотипов, навеянных

опытом наших отношений с ней в годы второй мировой войны. Неверные расчеты относительно военной роли Японии оборачиваются нашими просчетами как во внутренней, так и во внешней политике.

Три основных центра современного империализма

Состояние межимпериалистических отношений, удельный вес в них центробежной и центростремительной тенденций, уровень и характер противоречий между тремя центрами империализма относятся к числу важнейших элементов мировой политики. Они, в частности, непосредственно сказываются на формировании совокупной мощи империализма и, следовательно, на соотношении сил противоположных общественных систем.

На XXVII съезде КПСС был подтвержден сделанный еще на XXIV съезде КПСС вывод о том, что три центра империализма «полны явных и скрытых противоречий» и что их взаимоотношения ведут «не к преодолению, а к обострению противоречий».

Эти важные выводы не получили научного подтверждения в работах японоведов, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что среди них нет ни одной монографии или даже статьи по теме «трех центров». Белым пятном продолжает оставаться и тема японо-западноевропейских отношений. То есть одна из важнейших сторон треугольника США — ЕС — Япония выпала из поля зрения японоведов. Существующие же работы по данной теме принадлежат перу американоведов-экономистов.

Следовательно, перед японоведами стоит задача анализа взаимоотношений трех центров и с японского угла, который должен привести к ответу на ряд вопросов, к примеру: на какую тенденцию работает обострение противоречий внутри треугольника: на его еще более тесное сплочение или на размежевание, а в этой связи — не разрешаются ли эти противоречия в пользу более глубокой экономической взаимосвязи между тремя центрами; в каком соотношении находятся межимпериалистическое сотрудничество в сфере безопасности и дипломатии и противоречия в экономических областях; как работают эти соотношения во взаимодействии внутри треугольника (или шире — внутри Запада), на Юге (в зоне развивающегося мира) и на Востоке (в социалистической зоне).

Разработка этой темы с японского угла позволит более адекватно отразить реальное состояние отношений между тремя центрами империализма как в официальных, правительственных, так и в партийных документах.

Япония и США в АТР: противоречия или сотрудничество

Проблеме противоречий в системе империализма, естественно, уделяется повышенное внимание в партийной литературе. В частности, в Программе КПСС сказано об образовании новых экономических центров соперничества, прежде всего в Тихоокеанском бассейне и в Латинской Америке.

В японоведческих работах, посвященных экспансии японских монополий, также постоянно аргументируется тезис об их соперничестве с монополиями США и стран ЕС. Беда в том, что подобные тезисы не обеспечиваются конкретным анализом, возможно и потому, что такой анализ мог бы и не подтвердить в полной мере теоретический постулат о «соперничестве». По крайней мере, что касается Тихоокеанского бассейна, то здесь наблюдается не столько соперничество, предполагающее борьбу, сколько расхождение в позициях, например между Японией и США. По каким вопросам они проявляются?

Растущий экономический потенциал АТР и огромные возможности его дальнейшего развития, большая емкость рынка, запасы дефицитного сырья и т. д. делают его сферой притяжения и столкновения интересов и американских, и японских монополий. Вместе с тем, японо-американское политическое взаимодействие в целом отличается здесь, за некоторыми исключениями, довольно высокой степенью согласованности и, главное, взаимодополняемости. В основе своей это объясняется общим для правящих кругов и США, и Японии стремлением сохранить в орбите капитализма стратегически важный регион с его исключительно сложной и пестрой структурой международных отношений, очагами конфликтов, многочисленными и разнообразными противоречиями между странами этой зоны и внутри них. Имеющиеся различия в политике США и Японии в регионе связаны в первую очередь с различной ориентацией их на использование силовых методов.

Правящие круги Японии заинтересованы прежде всего в обеспечении социально-политической и экономической стабильности в этой зоне, которая, по мнению Токио, является важнейшим условием успешной деятельности здесь японского капитала. Главным инструментом ее обеспечения является оказание экономической помощи развивающимся странам и содействие в решении тех социальных проблем, которые чреваты обострением политической ситуации. В целом обстановка в АТР не вызывает сегодня особого беспокойства у японских правящих кругов. Исключение составляет лишь положение на Филиппинах. Стабилизация ситуации в этой стране, как считают в Токио, зависит во многом от

увеличения ей экономической помощи, как по государственной, так и по частным линиям.

В Вашингтоне придают особое значение укреплению военных позиций США в Азии на Тихом океане, наращиванию там военного присутствия, создания прочной, охватывающей под своей эгидой весь регион структуры военно-политических блоков. Такая линия вызывает определенную напряженность в японо-американских отношениях, поскольку, как полагает японское руководство, чрезмерная военная активность США этой зоне может вызвать усиление там советской военной деятельности. Довольно острые противоречия между Японией и США были связаны с проблемой создания «тихоокеанского сообщества», поскольку оно мыслилось в Вашингтоне не только как экономическая, но и как военная организация. Последнее было абсолютно неприемлемо для Токио, что и способствовало в конечном итоге провалу идеи в целом.

На уровне субрегионов между США и Японией существует очень сложный баланс интересов, затейливое переплетение сотрудничества и расхождений. Весьма показательные различия имеются, например, в подходах США и Японии к корейской проблеме. Отношения США с КНДР практически отсутствуют, и при сохранении существующего там положения установление прямых американо-северокорейских контактов проблематично. К тому же американский бизнес практически не проявляет интереса к северо-корейскому рынку. В отличие от США Япония в начале 70-х гг. установила неофициальные деловые и политические контакты с КНДР и продолжала продвигаться в этом направлении. Рынок КНДР для японских деловых кругов чрезвычайно узок и нестабилен, масштабы торговли (обычно 300—500 млн. долл. в год), по японским понятиям, ничтожно малы. Однако, сложившаяся практика гарантирования сделок японских фирм с КНДР экспортно-импортным банком Японии свидетельствует о заинтересованности государства с политической точки зрения в экономических связях с КНДР. В целом Япония стремится не раздражать КНДР, а при случае и использовать отношения с ней в политической игре с Южной Кореей и, изредка, с США.

Более спокойная и скептическая оценка Японией «северокорейской угрозы» также является причиной разногласий с США и Южной Кореей. Основываясь на этой оценке, Токио последовательно избегает принятия на себя прямых обязательств по обеспечению безопасности сеульского режима. В то же время деятельность Японии по поддержанию экономической стабильности Южной Кореи, позволяющая укреплять там позиции японского капитала, вызывает недовольство американских конкурентов.

Соединенные Штаты обеспокоены и тем, что тесные связи деловой верхушки Токио и Сеула в некоторой степени ослабляют американское влияние в Южной Корее. Наконец, имеются противоречия в подходах США и Японии к вопросу воссоединения Кореи. Хотя США так же, как и Япония, не видят реальных возможностей решения этой проблемы в ближайшем будущем, муссирование темы единства Кореи (как и германской проблемы в Европе) нисколько не противоречит глобальным стратегическим интересам Вашингтона. Экстраполируя нынешние тенденции соотношения

сил на Корейском полуострове, США в принципе не против идеи воссоединения Кореи на выгодных для американского империализма условиях. Хотя такая перспектива, казалось бы, способствует укреплению совокупных позиций империализма на Дальнем Востоке, она вызывает недовольство правящих кругов в Японии. В Токио рассматривают Южную Корею как своего потенциального и даже реального конкурента и потому заинтересованы в сохранении статус-кво на Корейском полуострове. Эти факторы долгосрочного характера зачастую заставляют японское правительство пускаться в хитроумные политические маневры как в отношениях со своими союзниками, так и с потенциальными противниками. Именно они определяют необходимое, с точки зрения японских правящих кругов, лавирование в отношениях с Сеулом и Пхеньяном. По сути в этом кроется глубинная основа заложенных в подходе США и Японии к корейской проблеме расхождений и противоречий, которые могут усилиться в будущем.

Более гибкую, чем США, позицию проявляет Япония и в отношении стран Индокитая. Оказывая дипломатическую и экономическую поддержку противникам СРВ, Лаоса и Кампучии, Япония предусмотрительно осуществляет через каналы «частной экономической дипломатии» экономическое сотрудничество с этими странами и не исключает в перспективе нормализацию с ними политических отношений.

Экспансия Японии в развивающемся мире

Все без исключения работы советских японоведов, посвященные экономической политике Японии в развивающемся мире, неизменно сопровождаются словом «экспансия». Указывается на ее грабительский, хищнический характер в отношении народов стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Но разве это не естественно? Выразить по этому поводу негодование и обвинять Японию в проведении «неконструктивной», «неэквивалентной» политики было бы по крайней мере наивным, поскольку вряд ли приходится от нее ожидать иных вариантов экспансии. Это означало бы «лишить» империализм его природной сущности.

Но марксистско-ленинская наука никогда огульно не отрицала в экспансионизме позитивных моментов. Диалектика этого явления такова, что с точки зрения экономического и социального развития стран третьего мира торгово-экономическая экспансия объективно несет в себе и положительный заряд. Не случайно правительства развивающихся государств часто с большой охотой откликаются на вторжение японского капитала в экономику своих стран, создавая ему для этого благоприятные условия. И опять же не случайно те страны, в экономику которых Япония проникла особенно глубоко, например НИС АТР, демонстрируют более высокие темпы экономического развития, чем не охваченные или слабо охваченные японскими монополиями государства.

Эта экспансия оказывает содействие росту экономики стран-реципиентов. Она же благодаря созданию новых предприятий, на которых работают сотни тысяч местных рабочих, стимулирует формирование у них классового самосознания. В такой экспансии заложен громадный потенциал социальных потрясений в будущем. «Двоякая миссия» колониализма — разрушительная и созидательная, о которой писал К. Маркс и на которую неоднократно обращал внимание В. И. Ленин, не утратила свой характер применительно и к неоколониализму. Обращая внимание на первую часть этой формулы, наши авторы, почему-то совершенно игнорируют ее вторую часть.

Точно также наивно представляется в работах о Японии официальная помощь развитию (ОПР) странам третьего мира. Слово помощь обычно берется в кавычки, и такая заковыченная «помощь», как утверждается, является удобной формой экспансии, оружием неоколониализма.

Совершенно естественно, что субъективно эта помощь должна отвечать экономическим интересам японских монополий, а об объективной стороне было сказано выше. Но, разумеется, нельзя не видеть, что эта же помощь включает в себя очень важный идеологический аспект. Она в основном или по крайней мере большие ее доли направляются в те государства, которые находятся напрямую в конфронтации со странами социализма (Таиланд, Южная Корея, Пакистан), или туда, где возникает социальная напряженность, угрожающая капиталистическому строю (Филиппины). И в данном вопросе японские монополии по-своему логичны:

им необходимо поддержать или укрепить условия капиталистического воспроизводства.

Единственный вариант противодействия японской экспансии в форме торговли, инвестиции или помощи — создание для стран третьего мира более привлекательных альтернатив. До тех пор, пока мы не в состоянии создавать такие альтернативы, развивающиеся страны вынуждены обращаться за помощью к Японии, одновременно предоставляя ей условия и для экспансии. Нам же пока ничего не остается, как объективно, по-марксистски отразить будущее японское присутствие в Азии.

О советско-японских отношениях

Как уже отмечалось, характер советско-японских отношений в немалой степени определяется нашими представлениями о Японии, ее внутренней и внешней политики. Высказанные критические замечания относительно этих представлений в нашей литературе должны подвести к выводам об их неадекватности существующим реалиям или по меньшей мере о неполном отражении этих реалий. То же можно сказать и о работах, касающихся непосредственно советско-японских отношений. Здесь хотелось бы коротко отметить два момента.

Наибольшее количество публикаций посвящено торгово-экономическим связям между СССР и Японией. Однако большинство из них загружено массой данных справочного характера без глубинного анализа причин неблагоприятного состояния этих отношений. В последнем случае обычно обращается внимание на внешние факторы, причем политического свойства, например усиление антисоветизма в Токио, давление США и т. п. И крайне мало или вскользь говорится о структурной перестройке японской экономики, «недостройке» советской экономики, особенно на Дальнем Востоке, потере фактора взаимодополняемости двух экономик. Совершенно отсутствует анализ нашей экономической политики (именно политики, а не отношений) по отношению к Японии. Достаточно сравнить любую из наших работ по советско-японским отношениям хотя бы с монографией «America Versus Japan», в которой показано состояние и проблемы американско-японских экономических отношений, чтобы оценить, насколько американские японоведы превосходят нас в анализе. Еще более прямолинейными, с точки зрения автора, выглядят оценки политических отношений между СССР и Японией. Если труды по истории советско-японских отношений в какой-то степени отвечают требованиям

исторической науки, то современная история представлена, с одной стороны, в виде массы инициатив Советского Союза, с другой — в виде обвинения Японии, не желающей эти инициативы признавать и одобрять.

И последнее, что не менее важно: редко встречаются работы японоведов, написанные образным языком и предназначенные для широкого читателя. Источником информации по Японии для советской общественности, к сожалению, становятся чаще всего журналистские эссе, конъюнктурный характер которых лишает их научной значимости.

Можно сказать, что взгляд СССР на место и роль Японии в мире, представленный в советском японоведении, не соответствует нашим потребностям в деле улучшения советско-японских отношений. Некоторые проблемы вообще не освещаются, другие освещаются искаженно, третьи — конъюнктурно.

Причины такой ситуации видятся в следующем.

Основная часть японоведов исследует отдельные проблемы или отдельные направления внешней политики Японии. Уже в силу этого они не могут дать объективную оценку всей политики Японии, не говоря уже о месте и роли Японии в мире, поскольку последняя тема предполагает как минимум сравнительный анализ трех центров экономического могущества. Эта причина и объясняет отсутствие работы по данной проблеме. Тем самым подтверждается старая истина: тот не знает Японии, кто знает только Японию. Советское японоведение, к слову сказать и китаеведение, страдает также и оттого, что оно оторвано от политологии и теории международных отношений. В результате — множество эмпирических исследований без фундаментальных теоретических обобщений. Это привело к тому, что исследования японистов в области внешней политики Японии по качеству уступают аналогичным исследованиям советских американистов и европейцев. Положение усугубляется тем, что наметилась тенденция монополизации японоведческой науки. Если эта тенденция будет закреплена, то на смену одних стереотипов придут другие. Монополизм опасен в любой сфере, науке же он просто противопоказан, что подтверждает и наша печальная практика доперестроечного периода. Только разнообразие взглядов, школ, концепций, ведущих к спорам и дискуссиям, может породить истину, которая так необходима науке.

Нельзя не отметить необоснованно большое внимание, которое уделяется в японоведении военной проблематике, в результате чего утрируется милитаризация Японии и тем самым укрепляется «образ врага».

Сказались и стойкие стереотипы конфронтационного мышления, которые наиболее активно проявились через своих носителей в верхнем эшелоне практических и академических организаций, где осуществлялась основная деятельность по формированию политики и общественного мнения в отношении Японии. Размывание устойчивых стереотипов — процесс длительный и болезненный, а для некоторых носителей такого рода стереотипов, видимо и безрезультатный.

Наконец, долгие годы научное японоведение фактически находилось в подчиненном положении перед высшими партийными инстанциями и МИДом, которые в конечном счете определяли характер выводов и оценок по тем или иным аспектам внешней политики Японии. Подобная соподчиненность, кстати сказать, характерная для всего обществоведения, ограничивала свободу творчества исследователей, побуждая их приспосабливаться к линии официальных верхов.

Без разрешения всех отмеченных проблем трудно рассчитывать на улучшение качества советского японоведения, а следовательно, и на достижение оптимальных результатов внешней политики Советского Союза в отношении Японии.

Опубликовано в журнале “Проблемы Дальнего Востока”, 1989, № 2.